

Лидия Чарская

Не ко двору

Лидия Чарская

Не ко двору

«Public Domain»

1903

Чарская Л. А.

Не ко двору / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1903

В белом фланелевом халате, какими-то прихотливыми складками драпирующем ее фигуру, с бледным, подвижным и болезненным лицом, она не красива, но лицо ее не может остаться незамеченным!.. Оно просится на полотно и прочно западает в душу. Оно живет тысячью ощущений сразу, это донельзя странное, говорящее, подвижное лицо...

© Чарская Л. А., 1903

© Public Domain, 1903

Лидия Алексеевна Чарская

Не ко двору

Дождь мелкий, холодный, настоящий октябрьский дождь бьет о стекла большого серого здания.

По широкому крыльцу, зябко кутаясь в солдатскую шинельку, ходит дневальный.

Где-то далеко в темноте лает голодная собака.

– Михеев! прошла барыня?

Перед дежурным солдатиком вырастает плотная и коренастая фигура офицера.

– Так точно, ваше высокоблагородие! – рапортует солдатик, вытягиваясь в струнку.

Офицер легкой и быстрой походкой, не соответствующей его полной фигуре, вбегает по скользким и мокрым от дождя ступеням крыльца и, пройдя длинный, чуть освещенный коридор, по обе стороны которого расположены офицерские квартиры, звонит у своей двери.

На гладкой дверной доске выгравировано четким и жирным шрифтом «Владимир Михайлович Звягин».

Денщик с добродушной хохлацкой физиономией широко распахивает дверь.

– Что, Гриценко, прошла барыня? – повторяет и ему свой вопрос офицер.

– Так точно, пришли-с, ваше высокоблагородие.

Поручик Звягин бросает ему на руки шинель и шапку и, на ходу вытирая мокрые усы, проходит уютную, крохотную столовую, залыце с новенькой еще «приданной» мебелью и входит в спальню, разгороженную на две половины высокими голубыми ширмами.

– Ира! ты здесь?

Она здесь... Она лежит на кушетке в своем будуаре, как они в шутку в первые дни замужества окрестили чистую половину своей спальни, нервная и возбужденная, как всегда.

Он иною ее и не знает, особенно с тех пор, как началась эта ужасная история с Ивановыми. И теперь ее большие темные глаза горят сухим и острым, точно горячечным, блеском, которого он так не любит и, пожалуй, даже боится.

При его появлении, она вскакивает с кушетки и, подбежав к нему с живостью подростка, вскрикивает:

– Ну, что?

Когда она лежит, то кажется маленькой и хрупкой, теперь, когда она стоит, ее можно назвать почти высокой.

В белом фланелевом халате, какими-то прихотливыми складками драпирующем ее фигуру, с бледным, подвижным и болезненным лицом, она не красива, но лицо ее не может остаться незамеченным!.. Оно просится на полотно и прочно западает в душу. Оно живет тысячу ощущений сразу, это донельзя странное, говорящее, подвижное лицо.

– Ну, что? – говорит лицо всеми мускулами, говорит прежде, нежели голос.

Поручик Звягин, избегая взгляда жены, целует ее худенькие, необыкновенно прозрачные пальцы.

Едва заметная презрительная улыбка морщит тонкие губы Ирины и вся она как-то темнеет и сокращается.

– Ты ничего не сделал! Я вижу, ты ничего не сделал, – говорит она глухим, точно надорванным голосом и, отвернувшись от него, тихо плачет...

Ее слезь он выносить не может, как не может выносить ее сухого, острого взгляда. Он слишком любит ее. В ней одной вся его жизнь...

– Ира, дорогая, пойми! – и он нежно касается ее вздрагивающих плеч.

– Нет, никогда не пойму, никогда, ни тебя, ни их, никого из вас! Вы мне гадки, все! Слышишь ли, все, все, все!

И голос становится еще глуше и резче.

– Но пойми же, это дисциплина, Ира, жизнь моя!

– Ложь! Дисциплиной называешь ты мучить и истязать людей без всякой пользы! Эту дисциплину выдумал ты и тебе подобные. Строгость должна быть, должна быть дисциплина, но ведь все это не то, не то! Конечно, раз солдат умышленно нарушает уставы воинской повинности, с него нельзя не взыскать, но нарочно, ради глупого, никому не нужного испытания подвергать его случайностям это мерзко и бесчеловечно... Мерзко, пойми... А оправдывать свой поступок требованиями дисциплины – еще гаже, Владимир, еще отвратительнее!

– Но, постой, Ира... ты сама сейчас сказала, что взыскание необходимо на случай уклонения от служебных обязанностей. Милая, а как же проверять эти служебные обязанности? Не посредством ли испытаний или набегов, как ты называешь?

– Подлых и разбойничьих, прибавь! Нет! тысячу раз нет и нет! Ах, уйди ты от меня, ради Бога, мы говорим на разных языках и никогда не пойдем друг друга...

И, повернувшись к мужу спиной, Ирина идет за голубые ширмы.

Он остается в нерешимости, жалкий и уничтоженный, не зная, что делать... Начать успокаивать жену – значило бы раздражать ее еще больше. Согласиться с нею – значило бы изменить своим принципам, запавшим твердо и прочно в его душу с юнкерской скамьи вместе с знаниями тактики и фортификации.

Он подходит к окну... Вглядывается в скользкую, мокрую октябрьскую ночь...

Дождь шлепает по-прежнему гулкими каплями о крышу здания... По-прежнему в темноте лает голодная собака.

А на душе грустно невыразимо...

– Ваше высочордие, господа вас спрашивают, – раздается с порога густой бас Гриценко.

– Кто еще? – хмурит брови Звягин.

– Так что поручик Бойницкий, адъютант, капитан Махнеев.

– Сейчас, скажи. Ира, ты не выйдешь?

– Избавь, пожалуйста, – слышится из-за ширм.

– Ну, так пришли, пожалуйста, варенья, булок, перекусить чего-нибудь...

– Хорошо, я пришлю с Гриценко.

– Ирочка, и водочки?

– Хорошо, хорошо. Уйди, пожалуйста.

Он, однако, на этот раз не слишком покорен. За голубыми ширмами лежит она – его жена, такая странная и возбуждающая его своею странностью, – такая чужая и новая... Постоянно новая и чужая... За эту отчужденность он и влюблен в нее, как мальчик.

– Ира, – шепчет он, зайдя за ширмы и склоняясь к ее лицу. – Ира! – ты мое счастье!

– Ложь! – громко кричит она, так громко, что он в испуге косится на дверь. – Ложь! Если бы это было действительно так, – ты бы хранил свое счастье и сделал все возможное, чтобы спасти этого несчастного Иванова.

И вдруг, совсем неожиданно, она бьется в конвульсиях и рыданиях...

– Ира, Ира, – испуганно шепчет Звягин, силясь оторвать от подушки ее волнистую голову с рассыпавшимся узлом белокурых кос, – Ирочка, тише... Могут услышать... Там посторонние...

Но она не может перестать... Слезы раскаленным свинцом давят и жгут ее горло... Голова горит. В ней тот же свинец... те же слезы и тоска безысходная... И только глаза, одни глаза, мокрые от слез, но злые и прекрасные повторяют все время:

– Уйди! уйди от меня!

И он, наконец, понимает эту немую просьбу, граничащую с приказанием, и уходит, проклиная ни в чем неповинных товарищей, забежавших «на огонек».

Ира долго лежит по уходе мужа... Нервы падают и замирают... Сердце не рвется от острой боли, оно ноет и зудит... В душе смутно, тревожно. Живого места в ней не осталось. Все изныло, переболело... И теперь одна тупая тоска...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.